

Читайте в серии:

Призрак в школьной библиотеке

Таинственный шёпот

Загадка секретной комнаты

Тайна старого шкафа

 Продолжение следует...

Светлана Кривошлыкова

ЗАГАДКА СЕКРЕТНОЙ КОМНАТЫ

эксмодетство

Москва

2026

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Иллюстрации и дизайн *Марии Поздняковой*

Кривошлыкова, Светлана Алексеевна.

К82 Загадка секретной комнаты / Светлана Кривошлыкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 160 с. — (Команда «ИКС». Детский детектив).

ISBN 978-5-04-223736-2

Во время ремонта в западном крыле пансиона рабочие находят что-то необычное: тайный проход в секретную комнату. Ребятам из команды «ИКС» не терпится узнать, что скрывает за своими стенами древний пансионат, поэтому они решают начинать своё расследование. Неужели там настоящая алхимическая лаборатория? Тем временем рабочие, нашедшие комнату, замыслили что-то коварное, но Илья, Кира и Сашка начеку.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. А. Кривошлыкова, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

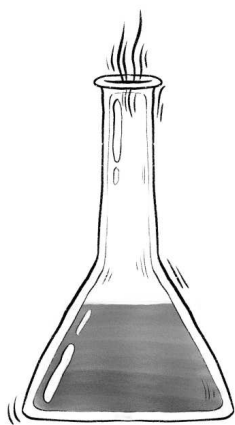
ISBN 978-5-04-223736-2

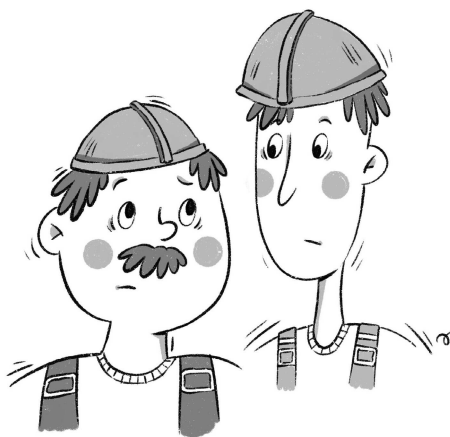
Пропускной режим

Ученики входят и выходят с территории исключительно по школьному пропуску;

Ученики Школы не могут проводить гостей на территорию пансиона;

Запрещено использовать пропуск для допуска к лифту других учеников или посторонних лиц.

Глава 1

..> Комната, которой <.. не должно быть

Если бы стены кабинета химии смогли заговорить, они, пожалуй, начали бы изъясняться на древней латыни — шипло, сквозь пыль и вековую тишину. Не словами, а эхом воспоминаний, затаившихся между штукатуркой и кирпичами.

Школа-пансион, устроенная в купеческой усадьбе девятнадцатого века, бережно хранила дыхание времени. Усадьба когда-то принадлежала купцу Семёну Платонову, в начале двадцатого века он отдал свой дом под школу, а сам бесследно исчез. С тех

пор прошло много лет, чего только не видело это здание: пережило не одну войну, но западное крыло второго этажа оставалось нетронутым. Стечение обстоятельств? Или магия, колдовство?

В этом крыле всё казалось скрывающим тайну, но ожидающим, чтобы кто-то однажды её раскрыл. И тот день, когда двое рабочих вошли в кабинет химии, стал не просто началом ремонта, а первым шагом к возвращению того, что здесь когда-то решили спрятать. Навсегда.

— Слушай, я, конечно, не эксперт, но это, по ходу, дорогая штука. — Гриша, коренастый, плотный, с круглым лицом и мощной шеей, которая всегда краснела, когда он злился или напрягался, и большим, как у Бабы-яги, носом, погладил по дверце старый шкаф, стоявший в нише.

Ниша была узкой, тесной, словно вырезанной под шкаф специально: по бокам оставалось всего несколько сантиметров, а вперёд он выступал едва ли на ладонь. Смотрелось это неуклюже, но основательно.

— Ага, редкость... — буркнул Федя, высокий и жилистый, с длинными мозолистыми руками.

— Да ты глянь, это старинный шкаф из массива дерева! Если его аккуратно достать и не выкинуть, а, скажем, нежно, с уважением — коллекционерам...

— Да как аккуратно-то? — Федя придирчиво осмотрел фронт работ. Два заржавелых изогнутых гвоздя крепко держали передние ножки шкафа, чтобы тот, покосившись вперёд от времени, не рухнул наружу. Кто-то когда-то хотел, чтобы он остался здесь надолго. — Его тронь — и развалится. Выломаем, да и дело с концом.

— Тебе лишь бы ломать, — проворчал Гриша, поддевая гвоздодёром один из гвоздей. — Давай вытащим его и потом переместим этот культурный объект. Я сто лет с такими вещами работаю. Зуб даю, денег нормально отвалят за него.

— Ага, вынесем культурный объект под самым носом охраны, — нахмурился Федя. — Мне в тюрьму неохота.

— Да успокойся ты! Я так миллион раз делал! — Гриша перешёл на заговорщицкий

тон. — Отвезём ко мне в гараж. Сфоткаем. Я знаю, где спросить. Коллекционеры всякие, интерьерщики... Шкаф старый, добротный, ручная работа, между прочим. Продадим и деньжищ зашибём.

— А он точно кому-то нужен? — Федя с сомнением почесал затылок. — Старый хлам. Его только на дрова.

— Дрова? Да ты чего, глаза разуй. Он ещё царей, может, видел! Это ж история. Эпоха. Стил! Впарим кому-нибудь. Давай-давай! Помогай. Я без тебя не справлюсь.

— А вдруг Саныч узнает? — Федя опасливо оглянулся.

Саныч, их бригадир, был ещё тот тип. Чуть что не так — орал как потерпевший. А Федя с детства боялся, когда кричат.

— Саныч... — фыркнул Гриша. — Я с ним договарюсь. Против не будет. Мы вместе много раз такое проворачивали. Не боись. Тихонько вынесем — и всего делов. Скажем — мусор. На помойку.

Федя замолчал. Вид у него был напряжённый — как у человека, которого совесть ещё держит, но воображение уже рисует пачку купюр.

— И... много получим? — спросил он и как будто сам удивился тому, что это произнёс.

Гриша многообещающе улыбнулся:

— Больше, чем за несколько месяцев работы. Каждый.

Федя сглотнул:

— Ну ладно. Срубим по-быстрому!

— Что значит «срубим по-быстрому»?! — В дверях появился Саныч с фомкой в руке. Маленького роста, с уже обозначившейся лысиной, он влетел в кабинет химии с таким лицом, словно собирался не руководить ремонтом, а проводить обряд экзорцизма. Голос грохотал как отбойный молоток. — Я вас, значит, оставил на десять минут, а вы уже успели бизнес придумать?! Без меня.

Гриша вытянулся в струнку. Федя застыл с гвоздодёром в руках, как статуя неразумного труда.

— Мы просто подумали... — промямлил Гриша. — Ну как бы...

— Сроки! — Саныч понизил голос до шёпота. А его шёпот был даже страшнее крика. — Завтра должна прийти комиссия!

Полы — не вскрыты, стены — не зачищены, и если вы продолжите здесь мечтать, вместо того чтобы вкалывать, — вылетите оба как пробки! Поняли меня?!

Рабочие кивнули, как два подсолнуха в ураган.

— Заказчик сказал подготовить помещение к ремонту! Действуйте! Шкаф — убрать. Немедленно.

— Так жалко его выбрасывать-то! Это ж антиквариат! — Гриша на всякий случай попятился от наступающего на него разъярённого Саньча.

— Жалко у пчёлки! — проревел Саньч. Его лицо пошло пятнами, на шее вздулись вены, щёки затряслись. — Я про «выбрасывать» ничего и не говорил! — Он многозначительно посмотрел на Гришу. — А того, кто ещё раз скажет слово «антиквариат», лично отправлю на свалку! Живо за дело! И поаккуратней тут! Здание историческое! Дети учатся!

Гриша и Федя схватились за инструмент.

Гвозди запищали. Шкаф недовольно скрипнул, будто пытался напомнить, что он стоит здесь гораздо дольше, чем эти

двое живут. Последний гвоздь поддался, издав обиженный «чпоньк», и шкаф, потеряв опору, стал заваливаться вперёд.

— Держи! Держи его! — крикнул Саныч, но было поздно.

«Бам. Бу-у-ум. Хрусь». По стене с противным хрустом поползла трещина.

— А-а-а! — выдохнул Федя и прыгнул вбок.

Гриша споткнулся, но чудом успел отскочить.

Шкаф, как влитой простоявший в нише бог весть сколько лет, упал со звуком, от которого вздрогнули стены, ровно туда, где мгновение назад топтались рабочие.

— Живой? — откашлявшись, спросил Гриша напарника.

— Вроде да... — пролепетал Федя, глядя на шкаф, который на удивление легко перенёс падение: не разлетелся на куски, а, как был, целёхонький лежал на полу. — На совесть раньше делали...

— Федя!.. Ёшкин-матрёшкин, — процедил Саныч, но не закончил ругательство, потому что в опустевшей нише начала осыпаться штукатурка. Сначала мелкой

крошкой, а затем целыми кусками. Густое облако пыли закружилось в воздухе.

— Гр-р-р... — прочистил горло Саныч.

Он стоял с открытым ртом, как человек, потерявший контроль над реальностью. Минуту назад здесь едва не убились два балбеса, а теперь из стены сыпется вековая тайна.

— Это... — сказал он. Потом вновь повторил: — Это... — И замолчал.

Федя, отряхнув пыль с плеч, просиял счастливой улыбкой:

— А чё, нормально мы так. И штукатурку сразу сняли.

Гриша глянул в нишу и остолбенел.

— Это ещё что... — начал было он.

Но Саныч уже подошёл к тому месту, где обвалился слой штукатурки. Кирпичи там были светлее и мельче остальных, как будто их вставили позже. Он постучал по ним фомкой. Один раз, второй — глухо. И вдруг на третий раз звук изменился. За третьим кирпичом явно была пустота. Саныч нажал на кирпич, и тот с негромким щелчком ушёл внутрь.

Стена дёрнулась, и медленно, со скрежетом её часть отъехала в сторону. За рас-

крывшейся панелью обнаружился проём. Пройти можно, если пригнуться. Оттуда потянуло запахом подвала, в который давно никто не заходил.

Федя закрыл нос рукавом:

— Обалдеть...

— Молчи, — оборвал его бригадир, а сам, немного помедлив, вошёл внутрь.

Внутри оказалась небольшая комната. Или лаборатория. Или... тайник.

Саныч положил фомку на пол, включил фонарик на телефоне. Луч скользнул по комнате. По обе стороны — дубовые полки с латунными табличками: «Купорос медный», «Сурьма», «Ртуть»... На полках — бутылки с мутной жидкостью, завёрнутые в марлю склянки, пробирки в деревянных держателях, маленькие ящики с оловянными застёжками. У дальней стены — массивный стол. На нём — весы с бронзовыми чашами, пузатый перегонный аппарат, стеклянные колбы. На стене приколоты булавками пожелтевшие исписанные листы. Чернила хоть и выцвели, но слова и формулы вполне разборчивы. Под столом — квадратная заплатка провалившегося паркета.